

И.И. Буляков

Условия и характер принятия башкирами золотоордынского и российского подданств

Ключевые слова: аксакал, аристократия, вассалитет, воевода, волость, знать, йыйын, кочевник, оброк, подданство, пожалование, самоуправление, тархан, традиция, улус, хан, шежере, ярлык, ясак.

Key words: the elder, the aristocracy, the vassalage, the voivode, the volost, the nobility, the yjyn, the nomad, the quitrent, the citizenship, the investiture, the self-government, the tarhan, the tradition, the ulus, the khan, the shezhere, the label, the jasak.

В политической истории башкир можно особо выделить два важных периода. Первый связан с вхождением и пребыванием исторического Башкортостана в составе Монгольского государства, далее – Золотой Орды; второй ознаменован принятием башкирами русского подданства. После сопоставления условий и характера принятия башкирами сперва золотоордынского, а далее – русского подданств и в результате этого обнаружение некоторых общих моментов между данными событиями, ныне в исторической литературе актуальность приобретает вопрос преемственности государственных традиций. В данном случае применение золотоордынских приемов государственного управления над башкирами Русским государством во второй половине XVI – первой трети XVIII в.

Специальные исследования по данной проблеме на сегодняшний день в исторической науке отсутствуют. Некоторые моменты вопроса о золотоордынских государственных традициях в Русском государстве были затронуты в научных публикациях ряда исследователей лишь в последние 10–15 лет.

В своих монографиях и научных статьях В.В. Трепавлов показал постепенное приспособление башкир к другим условиям существования в составе России, их адаптацию к ее политическому строю и законодательству. По его мнению, решающее значение в этом сыграло использование Русским государством золотоордынских методов и приемов государственного управления башкирами [1].

Проблемам адаптации существующих традиционных институтов башкирского общества к структуре Российского государства во второй половине XVI – первой трети XVIII в. посвящена монография Б.А. Азнабаева [2].

В своих научных публикациях А.Н. Алдашов, Р.Х. Хайртдинов, И.В. Антонов приходят к выводу, что обращение к традициям, подключение существовавших ранее институтов должно было обеспечить более гладкий переход к новой системе власти и признание ее легитимности [3–4].

Е.С. Косых, а также авторы коллективной работы «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века» В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников в качестве причин сохранения традиционных органов внутреннего самоуправления у башкир называют несоответствие уровней социально-экономического развития в крае и в центральных районах страны, уже сложившуюся военно-политическую элиту в лице биев и тарханов, которых целесообразнее было включить в государственную систему России на взаимно приемлемых условиях [5–6].

В целом проблема применения Русским государством золотоордынских приемов управления над башкирами остается крайне слабо изученной и представляет большой научный интерес. Исходя из этого мы делаем попытку выявления подобных государственных традиций в системе управления России над историческим Башкортостаном в XVI – первой трети XVIII в. Для этого потребуются на основе исторических источников проследить обстоятельства, характер и условия принятия башкирами золотоордынского, а впоследствии – русского подданств; сопоставив общие моменты, выявить факты применения русскими властями на практике золотоордынских управленческих приемов по отношению к башкирам.

Сведения средневековых авторов, башкирские шежере*, легенды и предания, изученные нами, свидетельствуют о поэтапном включении башкирских земель в состав Монгольского государства, этот процесс носил не однозначный характер. Так, например, восточные и юго-восточные башкиры под предводительством Муйтен-бия и Майкы-бия добровольно признали над собой власть монголов на определенных условиях и обязательствах, о чем можно судить по их шежере [7, с. 81, 155].

Совсем иной характер носило вхождение в состав Монгольского государства остальной части башкир. Сведения из «Сокровенного сказания монголов» [8, с. 191–194], очевидца тех событий Рашида-ад-Дина [9, с. 37], башкирские легенды «Акман-Токман» [10, с. 168–169], «Биксура» [10, с. 166–167], «Гора Авлии» [10, с. 49], «Бошман-Кыпсак батыр» [10, с. 167–168] свидетельствуют об упорном сопротивлении этой части башкир монгольскому завоеванию. Локализовать

* Шежере – генеалогическая запись, содержащая имена предводителей родов, сведения об исторических событиях, фактах из жизни родов и племен.

данные башкирские роды по сведениям из легенд и шежере можно в центральной и северо-западной частях исторического Башкортостана, чьи земли территориально были расположены близко к границам Волжской Булгарии. Вполне возможно, что, имея достаточно развитые экономические и социально-политические связи с Волжской Булгарией, башкиры этого региона состояли в военном и политическом союзе с ней и, по всей видимости, также заключили соглашение с монголами на определенных условиях.

Таким образом, по этим данным можно судить о разобщенности внутри башкирского народа, об отсутствии единого руководящего центра. Каждый род или же союз родов на момент монгольского наступления представлял собой некий политический организм, находился на стадии государственного развития, где семейные связи уже не играли столь значимой роли. Ими управляли бии и ханы, в военное время выполнявшие функции военных предводителей. В свою очередь, все вопросы внутренней жизни, войны и мира обсуждались на народных собраниях – йыйынах.

Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что вскоре после прихода монголов «земля и воды были распределены между (башкирскими. – *И.Б.*) родами» [10, с. 168]. В той же легенде есть и другие не менее интересные сведения: «Каждому роду предназначалась своя тамга, оран, дерево, птица» [10, с. 168]. Ей же вторит предание «Бурзяне во времена ханов»: «Чингисхан раздавал тогда племенам тамги. Башкиры получили их тоже» [10, с. 165]. Об этом же свидетельствуют и шежере некоторых башкирских родов [7, с. 155–156; 11, с. 67, 180].

Легенда «Акман-Токман» гласит: «После получения земель и тамги башкиры должны были платить хану ясак. Сначала это показалось не особенно обременительным. Пушнина поставлялась хану вовремя» [10, с. 168]. Обременительным считалось обязательство поставлять хану дойных кобыл [12, с. 34–42]. Рубрук оставил сведения о том, что «из России, из Моксея (Махел), из великой Булгарии и Паскатира (Башкирии. – *И.Б.*), то есть великой Венгрии, из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов) и из многих других стран с северной стороны, которые им (монголам. – *И.Б.*) повинуются, им привозят дорогие меха разного рода» [13, с. 98]. Башкиры обязаны были также поставлять соколов и кречетов для ханской охоты [14, с. 48].

Кроме того, башкиры привлекались и к несению военной службы, о чем говорит легенда: «Но однажды от хана пришел новый указ. Молодые мужчины и парни со своим конем, снаряжением призывались в ханское войско» [10, с. 168]. Другое предание также сообщает, что после того, как монгольский хан одарил кыпсацких воинов подарками и землями, «... часть кыпсаков ушла вместе с его войском» [10, с. 167]. Иными словами, кыпсаки, подчинившись власти

монголов, обязались служить в его войске. Другой источник, например, сообщает, что Тохтамыш «из русских, черкесов, болгар, кыпчаков... башкирдов и м. к. с. (мокша) собрал войско изрядное. С такою неподдающейся счету армией... двинулся против Тимура» [15, с. 151].

Таким образом, положение башкирских родов в чем-то схоже с судьбой русских княжеств: обязательная выплата ханского ясака, участие воинских контингентов в военных походах, тыловое обеспечение армии и т.д. При этом монголами была сохранена правящая верхушка, собственная родоплеменная знать башкирского общества, что указывает на своеобразное положение башкир в составе улуса Джучи. Из преданий и шежере известно, что у башкирских родов и в золотоордынский период были свои родоплеменные вожди, т.е. бии, в то время как для монголов было свойственно уничтожать всех представителей аристократической верхушки завоеванных стран и народов. Башкирские же бии и ханы сохранили свой титул как пожалование. Это обеспечивало и гарантировало внутреннее самоуправление народа и право на владение родовыми землями. Таким образом, власть монголов над башкирами осуществлялась не напрямую, а через местную родовую аристократию или наместников.

Отдельного внимания заслуживает письмо венгратинца, брата Иоганки, к генералу своего ордена о положении, деятельности и задачах католической миссии «в стране баскардов» (в Башкортостане) [16, с. 107–109]. Автор письма на протяжении 6 лет в период между 1310–1320 гг. оставался среди башкир, «большого народа, подчиненного татарам» [16, с. 108]. Иоганка сообщает, что «государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением» [16, с. 108]. Таким образом, подтверждается мысль о религиозно-государственном характере тогдашнего башкирского общества. Иоганка сообщает и о татарах, представителях золотоордынской центральной власти, которые пребывали на завоеванных владениях и исполняли судебные функции над башкирами, контролировали своевременное поступление налогов, осуществляли надзор за внешнеполитическими связями башкирских биев. Золотоордынские власти требовали от подданных, «чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону» [16, с. 107]. Когда же монголы шли в бой, «те (подданные, в том числе башкиры. – *И.Б.*), вооружившись, следуют за ними и соблюдают верность договору» [16, с. 107]. Однако монголы оставляют в неприкосновенности всё то, что существовало до них в сфере хозяйственной и внутрисполитической жизни, «позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится» [16, с. 107].

Таким образом, сведения из фольклорных материалов и шежере башкирских родов, сообщения европейских миссионеров, в особенности письмо брата Иоганки, подтверждают договорные, другими словами, вассальные отношения между башкирами и монголами. Государственная политика биев оставалась суверенной с некоторыми ограничениями в плане контроля над их внешними связями, обязательного призыва в золотоордынские полчища воинов из башкир в случае войны и исполнения юридических функций представителями монголов. А в экономическом отношении подчинение башкир монголам ограничивалось лишь своевременной выплатой им установленного ясака. Все остальные стороны внутренней жизни и быта башкирского общества развивались самостоятельно, независимо от золотоордынского влияния. Согласно договорному вассалитету, башкиры оставались собственниками своей земли. Монголы видели в них потенциальных союзников, общественный строй которых не надо было военизировать, а сам народ обучать военному делу.

В XVI столетии стремительное территориальное расширение Русского государства шло на востоке. Важное значение для России сыграло то, что она по отношению к своим восточным соседям представлялась как победоносный участник борьбы за территориальное наследство Золотой Орды.

Иван IV разослал послов с грамотами, в которых призывал жителей Поволжья и Урала присоединиться к России, обещая им мир и безопасность: «Идите к нам без ужаса и боязни. Прошедшее забываю, ибо злодейство уже наказано. Платите мне, что вы платили царям казанским» [17, с. 112]. Упоминания о царских грамотах содержатся во многих башкирских шежере. Как видим, налаживание отношений Русского государства с бывшими ордынскими подданными, в том числе и с башкирами, происходило по привычным, традиционным для них идеологическим и административным канонам.

Государственная традиция сводилась к легитимности земельного владения только в форме пожалования от монарха. Изначальное распределение пастбищных,

лесных и водных угодий между родами, установление регулярного налогообложения (ясака), практика мобилизации молодых мужчин со своим снаряжением в ханское войско башкирские легенды и предания связывают с золотоордынскими временами, с ханскими указами. По фольклорным памятникам и башкирским шежере повторное и окончательное пожалование башкирам прав на вотчинное владение землями единодушно приписывается Ивану IV. По определению историка В.В. Трепавлова, «... башкиры, не вникая в тонкости типологии политических процессов, ... считали свою страну подчиненной русскому царю точно так же, как и в старину – ордынскому хану» [1, с. 145].

Московский царь при приеме в подданство, так же, как и прежние ханы, подтверждал или жаловал ранги и звания башкирских феодалов (биев и тарханов), выдавал им ярлыки. Последние, в свою очередь, обязывались нести военную службу во главе своих сородичей. Царское правительство все свои мероприятия, связанные с управлением краем, проводило именно через них, подчинив их своим представителям на местах в лице воевод. Продолжалась и практика созыва традиционных народных собраний – йыйынов. От прежних времен сохранялось деление региона на дороги, которые, в свою очередь, состояли из волостей.

Таким образом, в результате изучения исторических источников, сопоставления условий вхождения и пребывания башкир в составе Монгольского государства (Золотой Орды) с условиями принятия ими русского подданства мы приходим к выводу, что русские власти сохранили и пользовались тюрко-монгольскими (золотоордынскими) управленческими приемами в отношении присоединенных народов, в том числе и башкир. Сохранение прежнего установленного ясака, административно-территориального деления края, родовой структуры, органов башкирского самоуправления и правосудия, обычного права башкир на выбор религиозного верования и исполнения шариатных норм позволили башкирам менее болезненно адаптироваться к жизни в пределах Московского государства.

Библиографический список

1. Трепавлов, В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / В.В. Трепавлов. – М., 2007.
2. Азнабаев, Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в.) / Б.А. Азнабаев. – Уфа, 2005.
3. Алдашов, А.Н. Этапы взаимоотношений башкирского общества с центральной властью (середина XVI – 60-е гг. XVIII вв.) / А.Н. Алдашов, Р.Х. Хайртдинов // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. – Уфа, 2007.
4. Антонов, И.В. Исторический опыт башкир накануне добровольного вхождения в состав России / И.В. Антонов // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. – Уфа, 2007.
5. Косых, Е.С. Политика Русского государства в Башкирии во второй половине XVI – первой половине XIX вв. / Е. Косых // Россия и Восток: история и культура. – Омск, 1997.
6. Алексеев, В.В. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М., 2004.

Условия и характер принятия башкирами золотоордынского и российского подданств

7. Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. – Уфа, 1960.
8. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / подборка текстов и перевод С.А. Козина. – М. ; Л., 1941.
9. Рашид-ад-дин : сборник летописей. Т. 2 / под ред. И.П. Петрушевского. – М. ; Л., 1960.
10. Башкирское народное творчество. Т. II. Предания и легенды / сост. Ф.А. Надршина. – Уфа, 1987.
11. Башкирские родословные. Вып. 1: Издание на русском языке / сост., предисл., поясн. к пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова ; науч. рук. Р.Г. Кузеев. – Уфа, 2002.
12. Федоров-Давыдов, Г.А. Общественный строй Золотой Орды / Г.А. Федоров-Давыдов. – М., 1973.
13. Джiovанни дель Плано Карпини. История Монголов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. – М., 1957.
14. Очерки по истории БАССР. Т. I. Ч. 1. – Уфа, 1956.
15. Тизенгаузен, В.Т. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Т. Тизенгаузен. – М. ; Л., 1941.
16. Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, бр. Михаилу из Чезены // Буканова Р.Г. Башкирия в составе Золотой Орды (по страницам забытой рукописи) // Ватандаш. – 2000. – №4.
17. Карамзин, Н.М. История государства Российского. Т. VIII / Н.М. Карамзин. – М., 2003.